
Проблемы разграничения подсудности церковных и светских органов в России в 1720–1760-х годах

МАРИНА А. БЕЛОУСОВА

Рекомендация для цитирования:

Белусова М.А. Проблемы разграничения подсудности церковных и светских органов в России в 1720–1760-х годах // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 2 (43). С. 114–132.

For citations:

Belousova, M.A. (2025) "Challenges of Delimitation of Jurisdiction between the Church and Secular Bodies in Russia in the 1720–1760-s", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2 (43): 114–132.

Поступила в редакцию: 20.10.2024; прошла рецензирование: 26.02.2025; принята в печать: 01.04.2025.

Received: 20.10.2024; Revised: 26.02.2025; Accepted for publication: 01.04.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). marina.a.belousova@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-4224-232X

Статья посвящена проблемам, возникавшим в отношениях между церковными и светскими судебными органами при рассмотрении смежных категорий дел в Российской империи в XVIII веке. Автор показывает, что в связи с изменением подсудности духовных судов, не определенной при этом точно в законодательстве, возникали многочисленные случаи споров о компетенции между судебными органами, которые приходилось решать непосредственно Святейшему Синоду и Сенату. Недостатки законодательного регулирования постепенно устранялись на практике на протяжении всего XVIII века. В статье демонстрируется и другая сторона взаимоотношений светских и церковных органов, выражавшаяся во взаимной помощи при производстве судебных дел. Также рассматриваются отношения церковного суда с органами политического сыска, сводившиеся в основном к выполнению духовными органами поручений Тайной канцелярии и других органов с аналогичной компетенцией.

Ключевые слова: церковный суд, светский суд, Святейший Синод, Сенат, Тайная канцелярия

Challenges of Delimitation of Jurisdiction between the Church and Secular Bodies in Russia in the 1720–1760-s

Marina A. Belousova

Moscow State University (Moscow, Russia). marina.a.belousova@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-4224-232X

The article is devoted to the problems arising in the relations between the church and secular judicial bodies in the consideration of related categories of cases in the Russian Empire in the 18th century. The author shows that due to the change in the jurisdiction of ecclesiastical courts, which was not precisely defined in the legislation, there were numerous cases of disputes about competence between judicial bodies, which had to be resolved directly by the Holy Synod and the Senate. The shortcomings of the legislative regulation were gradually eliminated by practice throughout the eighteenth century. The article demonstrates another side of the relationship between secular and ecclesiastical bodies, which was expressed in mutual assistance in court cases. The article also considers the relations of the church court with the bodies of political investigation, which were mainly reduced to the fulfilment by the clerical bodies of the instructions of the Privy Chancellery and other bodies with similar competence.

Keywords: church court, secular court, Holy Synod, Senate, Privy Chancellery

НЕСМОТРЯ на то, что история церковного правосудия сегодня входит в число актуальных научно-исследовательских тем¹, многие аспекты деятельности церковного суда в Российской империи XVIII века все еще остаются неизученными. Между тем, именно в XVIII веке в ходе реформ церковного управления и церковной подсудности были заложены фундаментальные основания деятельности церковного суда в том его виде, в котором он будет существовать, по сути, до 1917 года.

В настоящей статье сделана попытка заполнения этой лакуны по одной из интереснейших проблем деятельности российского духовного суда — практике его взаимодействия со светскими органами в XVIII веке².

¹ Оспенников Ю. В. Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 192.

² Об отдельных аспектах практики взаимодействия светских и духовных органов в судебной сфере см.: Павлушков А. Р. Взаимодействие Синода и его учреждений с Тайной канцелярией в первой половине 20-х годов XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и соци-

На более общем уровне данная проблема касается очень важной дискуссии, длительное время поддерживаемой в научной литературе, но пока не получившей логического завершения: дискуссии о схеме взаимоотношений государства и церкви, сложившихся в результате реформ Петра Великого.

Выводы современной исторической науки о том, какое место заняла православная церковь в системе петровского регулярно государства, уже не укладываются в представление о церкви синодального периода как о «служанке государства» и части бюрократического аппарата³. Также более не представляется возможным сводить к понятию секуляризации преобразования Петра Великого в религиозной сфере⁴, которые привели не столько к падению влияния церкви на общество, сколько к разграничению светской и духовной сферы на паритетных началах⁵.

Осмысление взаимоотношений светских и церковных судебных органов, оценка взаимодействия Синода по судебным вопросам с Сенатом, местными светскими органами, отправлявшими правосудие, а также с органами политического сыска полезны в целях понимания того, в какой степени церковный суд в эпоху Петра и дворцовых переворотов оказался отделен от светского, а в какой степени подчинен.

***

К началу преобразовательной деятельности Петра I в Российском государстве не существовало единого документа, который в достаточной степени очерчивал бы подсудность православной церкви. Более того, во второй половине XVII века в связи с созда-

альные науки. 2021. № 6. С. 14–23; *Каменский А. Б.* Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб.: Алетейя, 2022. С. 35–36.

³ *Фриз Г.* Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России // «Губительное благочестие»: российская церковь и падение империи: сб. статей / Грегори Фриз; пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 17–44.

⁴ *Крылов А. О.* Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 3. С. 39.

⁵ *Цапина О. А.* Поп и пресвитер: равенство священства, апостольская преемственность и идентичность российского православного духовенства XVIII века // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века: сб. статей / под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 112.

нием Монастырского приказа и решениями Собора 1666–1667 годов значительная часть судебных дел перебрасывалась из церковного суда в светский и обратно.

Перед Петром I, затеявшим глубокие преобразования как в сфере церковного управления, так и в системе отправления правосудия, стояла сложная задача упорядочить компетенции церковного суда. Это привело к изданию императорских указов, определивших место церковно-судебного ведомства на весь XVIII век (и на первую половину XIX века, вплоть до издания Устава духовных консисторий в 1841 году).

Резолюциями на докладные пункты Святейшего Синода от 15 марта 1721 года⁶ и 12 апреля 1722 года⁷ была установлена компетенция духовного суда, сокращенная по сравнению с предыдущим периодом в вопросах предметной подсудности и относительно широкая по подсудности персональной. Из ведомства духовного суда были изъяты преступления против нравственности, связанные с блудом (без осквернения брачного союза), изнасилования, вопросы, связанные с судьбой детей, появившихся на свет вне брака. При этом дела по прелюбодеяниям (супружеским изменам) остались в компетенции церкви, как и производство по делам духовенства (кроме государственных преступлений, убийств, разбоев и краж, а также гражданских исков из отношений, «к которым сами духовные себя привязали»)⁸.

Однако даже с учетом такого сокращения церковно-судебная компетенция осталась весьма обширной, предоставляя церкви уникальные полномочия по участию в назначении и исполнении наказаний⁹. Упомянутые акты лишь указали на группы дел, относящихся отныне к светскому и церковному суду. Как будет показано ниже, судебные ведомства столкнулись с рядом проблем по применению положений указов 1721 и 1722 годов в судебной практике.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–12 декабря 1825 г.): в 45 т. СПб., 1826–1830 (далее – 1-е ПСЗРИ). Т. VI. № 3761.

⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее – ПСПиР). Т. II (1722). СПб., 1872. № 532.

⁸ Подробнее об этой реформе см.: Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. С. 290–296.

⁹ Marasimova, E. (2021) "Geistliche als Ermittler: Die Kirche und das Ermittlungsverfahren in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Russland", *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas* 69 (3): 396.

В связи с этим Святейшему Синоду и Сенату приходилось, опираясь на сообщения низовых органов, уточнять и разграничивать судебную компетенцию на протяжении всего XVIII века.

Духовные и светские власти были вынуждены разрешать спорные, неоднозначные случаи. Например, в 1745 году Сенат отправил Синоду вѣдение¹⁰ о необходимости принять к духовному производству дело о восстановлении расторгнутого по прелюбодеянию брака Натальи Бабарькиной и Семена Лаврова¹¹. Однако ситуация осложнилась тем, что в период после расторжения брака Лавров, по свидетельству бывшей жены, насильно вступал с ней в близкие отношения, что фактически являлось блудом (или изнасилованием, но в документах используется именно термин «блуд») и относилось к ведомству светского суда. Но по настоянию Сената Синод воспринял это дело именно как брачное и забрал в свое производство¹².

Вообще «преступления плоти» (прелюбодеяние, блуд, изнасилование, кровосмешение), разделенные между светским и духовным судом по решению Петра Великого¹³, на практике разграничивались очень трудно. В первые годы светские органы, особенно в «нестоличных» губерниях, игнорировали столь «незначительные» нарушения, а епархиальные архиереи, призванные заботиться о нравственном состоянии своей паствы, могли только смотреть и увещевать, не имея возможности наказывать нарушителей. Такая ситуация вынуждала епископов подавать Святейшему Синоду прошения о возвращении подобных дел в ведомство церковного суда: с разницей в несколько лет об этом просили епископ Белгородский Епифаний (1728 г.)¹⁴ и епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий (1735 г.)¹⁵. В обоих случаях Синод отказал, послушно ссылаясь на императорские резолюции, однако сам по себе простой отказ проблемы не решал.

¹⁰ *Вѣдение* — форма документа с извещением о чем-либо, которая применялась в переписке Правительствующего Сената и Святейшего Синода. См.: Багрянцева Г. И. Деловой язык Петровской эпохи // Русская речь. 1986. № 4. С. 87.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 26. Д. 330. Л. 1–4 об.

¹² Там же. Л. 6–6 об.

¹³ Напомню, что дела по прелюбодеяниям остались в компетенции Святейшего Синода, по блуду и изнасилованию переданы в светский суд, а вопросы, связанные с кровосмешением, должны были рассматриваться обоими ведомствами.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 82. Л. 1–1 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 51. Л. 1–1 об.

В 1736 году в Синод попало доношение Сибирского приказа о том, что епископ Иркутский Иннокентий (Нерунович/Неронович) вступил в дело о растлении пономарем Очерединым младенца, чтобы, как предполагала светская команда, укрыть лицо духовного ведомства от положенного в этом случае наказания — смертной казни¹⁶. Архиерей представил объяснение: он решился взять это дело в свое ведомство, так как вице-губернатор в его присутствии отказался заниматься данным вопросом, отвергнув его как «дело затаенное и во всем свете неслыханное, и статья де тому отнюдь невозможно»¹⁷. Сам Иннокентий тоже не поверил в возможность подобного преступления и, даже услышав от взятого им под арест Очередина признание, решил, что тот клеветает на себя, потому что виновному в таком деянии «ни же единого часа и живу быть было ему невозможно»¹⁸. Вмешательство архиерея в данном случае оправдывалось нежеланием оставить громкое, серьезное дело без рассмотрения и его уверенностью в бездействии светских властей. Тем не менее после жалобы на самоуправство в Святейший Синод епископу Иннокентию был сделан выговор, а дело передано в Сибирский приказ и подконтрольную ему Иркутскую провинциальную канцелярию, а затем — в Юстиц-коллегию¹⁹.

Подобного рода вмешательства духовного суда в неподлежащие ему дела по «преступлениям плоти» будут продолжаться и во второй половине XVIII века. В 1766 году обер-прокурор И. И. Мелиссино сообщил в Святейший Синод, что в Вятской и Вологодской духовных консисториях рассматривают дела о кровосмесительном блуде с женой сына²⁰, хотя таковые относятся к ведомству светского суда²¹. Светские органы также продолжали порой отказываться от вступления в дела, связанные с блудом

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 406. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 30.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 406. Л. 27, 41, 57–57 об.

²⁰ Такого рода отношения, в том числе насильственные, были распространенной проблемой в деревне и получили название «снохачество». Несмотря на попытки борьбы с этим явлением со стороны церкви и государства, снохачество сохранится на протяжении всего периода существования Российской империи. См. об этом: *Безгин В. Б.* «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX — начала XX века. Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ГГТУ», 2015. С. 68–70.

²¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. Д. 12. Л. 1.

и изнасилованием: в том же 1766 году Бежецкая воеводская канцелярия просила Московскую синодальную канцелярию понудить к скорейшему рассмотрению дела о насильственном блуде крестьянина со своей невесткой²².

Судя по документам Святейшего Синода, «преступления плоти» были самым популярным видом дел, в которые духовный суд вступал за пределами своей компетенции. Это неудивительно, поскольку именно дела, связанные с блудом, кровосмешением, изнасилованиями, были изъяты из традиционной подсудности церкви, к чему пришлось долго привыкать как духовным, так и светским органам.

Второй по популярности категорией, страдавшей от излишнего внимания духовных правлений, были дела о суевериях. Здесь было достаточно трудно провести границу между настоящим преступлением против веры, которое подлежало духовному суду, и простым обманом. Во многом подведомственность дела зависела от показанного на допросах умысла подозреваемых, для которых гораздо выгоднее было называть себя обманщиками²³. При этом органы церковного суда не желали уступать подобные дела светским командам, настаивая на религиозном содержании обмана, связанного с колдовством и суевериями. Например, в 1743 году, уже после затухания кампании по борьбе с колдунами (1732–1740 гг.)²⁴, архиепископ Великоустюжский и Тотемский Гавриил (Русский) вступил с провинциальной канцелярией в борьбу за духовную компетенцию в этом вопросе в ходе рассмотрения дела Ирины Коневои о «нечистом духе». Архидьяком «тормозил» окончание дела, которое уже было расследовано в провинциальной канцелярии и квалифицировано как обман с целью заработка на предсказаниях, потому что был уверен в его подведомственности духовному суду, и обратился за защитой к Синоду²⁵. Только примирительное вмешательство последнего позволило поставить точку в этом в общем-то несложном деле и утвердить приговор светского органа. В итоге активная де-

²². РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. Д. 15. Л. 1–8.

²³. См. об этом: *Смелянская Е. Б.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2016. С. 88.

²⁴. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 годы. М.: «Древлехранилище», 2000. С. 364–365.

²⁵. РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 1–3 об.

тельность судов обеих юрисдикций свелась к доказательству наличия или отсутствия факта «шептания» на воду²⁶.

В 1773 году Сенату даже пришлось истребовать от Синода указ об обязательной и тщательной проверке информации по делам о суевериях и отступлении от веры в светских судах перед передачей следствия в духовные консистории²⁷.

Однако органы церковного правосудия не только вмешивались в компетенцию светских судов, но и взаимодействовали с ними при проведении следствия. В ряде случаев Святейший Синод поручал консистории или епархиальному архиерею совместную работу с местными светскими властями, когда проводилось расследование о подсудных гражданскому (светскому) суду преступлениях духовных лиц²⁸.

Кроме того, из-за церковного правила, согласно которому духовных лиц без лишения сана допрашивать в светских органах не допускалось²⁹, губернские и провинциальные канцелярии постоянно сотрудничали с духовными консисториями, отправляя листы для допросов священно- и церковнослужителей, а также монахов в качестве свидетелей или подозреваемых в совершении преступления. В случае если консистории игнорировали просьбы светских судов, помощь в понуждении местных духовных управлений к работе осуществлял Синод или его московская контора³⁰.

В рамках взаимодействия Синода и светских органов также были скорректированы правила по отправке духовных лиц в гражданский суд.

В 1721 году ротмистр старицкого губернского шквадрона (эскадрона) просил Синод позволить Старицкому архимандриту самостоятельно (без одобрения Синода) лишать духовных лиц сана для проведения расследования розыскных дел в светском суде. Святейший Синод согласился с доводами о том, что лишение сана без ожидания разрешения высшей инстанции, которое было тогда обязательным, будет эффективнее, чтобы за длительное время бюрократических пересылок «такие злодеи и их сообщ-

²⁶ Там же. Л. 49–61.

²⁷ ПСПиР. Т. II (1773–1784). № 679.

²⁸ См., например: ПСПиР. Т. V. (28 января 1725–5 мая 1727 гг.). № 1617; № 1702.

²⁹ Так как допрашивать духовных имело право только их духовное начальство (по решению Поместного собора 1675 г.). См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. Т. II. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 200.

³⁰ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. Д. 27, 177 и др.

ники какого себе способа ко уходу и скрытию не получили»³¹. Дозволение самостоятельно лишать сана было дано, но не архимандриту, а митрополиту Тверскому Сильвестру.

В 1722 году были изданы правила исследования дел духовных лиц, согласно которым следствие должно было производиться «синодальными управителями» (то есть церковным судом), и лишь для исполнения наказания при обнаружении преступления, подлежащего ведомству светского суда, бывшие священно- и церковнослужители, также монахи должны были отсылаться в гражданский суд³². Разумеется, это могло касаться только дел, инициированных в духовном суде, так как при интересе светских органов лишение сана происходило несколько раньше, без подробного исследования, а розыск и назначение наказания производились уже в светском суде: такие правила были закреплены, например, для Киевской епархии в 1724 году³³. Поводом к их изданию также послужила инициатива гражданского чиновника: в этот раз киевский губернатор И. Ю. Трубецкой просил предоставить право лишать духовных сана без предварительного согласия Синода киевскому архиепископу Варлааму (Ванатовичу)³⁴.

Общая норма о подсудности духовных лиц церковному суду, помимо исключительных случаев, по резолюции 1721 года с трудом воспринималась светскими органами. Уже в 1721 году Синод был вынужден направить ведение, основанное на резолюции, в Сенат³⁵, а также попросить у императора новую резолюцию по тому же вопросу³⁶, которая, однако, не была дана. Это было осуществлено не «без необходимости», как о том пишет С. Г. Рункевич, а по причине имевших место случаев нежелания светских судебных органов передавать дела духовных лиц по подведомственности в церковный суд³⁷. Позднее Синод сам повторит императорскую резолюцию в пункте 10 указа от 4 сентября 1722 года

³¹ ПСПиР. Т. I (1721). № 164.

³² 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 4113.

³³ ПСПиР. Т. IV (1724–28 января 1725 гг.). № 1227.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Д. 105. Л. 1–2. Орфография мирской фамилии епископа допускает вариации: Ванатович/Вонатович.

³⁵ ПСПиР. Т. I (1721). № 172.

³⁶ 1-е ПСПиР. Т. I. (1721). № 312.

³⁷ Рункевич С. Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1900. С. 301–302.

и выпустит дополнительный указ, объединивший прежние нормы³⁸. Вероятнее всего, позже императору все-таки пришлось издать повторный указ того же содержания, так как в деле дворянина Андрея Мордвинова Синод будет ссылаться на некий именной указ от 21 января 1724 года³⁹, «распубликованный в народе». Текст данного указа обнаружить не удалось.

На протяжении всего XVIII века Синоду приходилось принимать жалобы от местных духовных правительств на вступление светских органов в дела о лицах, подчиненных духовному ведомству. Для разрешения подобных проблем Синод был вынужден просить Сенат о вмешательстве или пытаться самостоятельно воздействовать на местные светские органы.

Так, уже в 1722 году Святейший Синод направил в Сенат ведение с требованием призвать к порядку светские властные органы в Сибирской губернии, вступавшие в дела о духовных лицах⁴⁰. В 1723 году Синод по доношению нового архиепископа Киевского Варлаама (Ванатовича) отправил в Малороссийскую коллегию указ «о невступлении в духовные дела и о неподчинении духовных персон в мирские суды»⁴¹. В том же году в ответ на доношение Ярославского надворного суда и Юстиц-коллегии Синод дополнительно указал на то, что правила о подсудности духовных лиц церковному суду распространяются и на крестьян синодального ведомства⁴².

В 1725 году архиепископ Белгородский просил Синод защитить от преследований светского суда (Курского надворного суда, Юстиц-коллегии) дьячка Иосифа Зашоловского, принадлежавшего к духовному званию⁴³. Поводом к преследованию стал тот факт, что заявитель по делу Зашоловского утаил принятое белгородским преосвященным не в его пользу решение и пожаловался в светский суд. Впрочем, этот факт никак не оправдывал светские власти, которые не разобрались в ситуации и приняли дело, не относящееся к их ведомству⁴⁴.

³⁸. 1-е ПСЗРИ. № 4190.

³⁹. 1-е ПСПиР. Т. V (28 января 1725–5 мая 1727 гг.). № 1830.

⁴⁰. ПСПиР. Т. II (1722). № 388.

⁴¹. ПСПиР. Т. III (1723). № 988.

⁴². Там же. № 996.

⁴³. РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 108. Л. 1–4.

⁴⁴. ПСПиР. Т. V (28 января 1725–5 мая 1727 гг.). № 1534.

В деле иеромонаха Решилова и священника Игнатия 1724–1725 годов Сенат просил у Святейшего Синода разрешения на исследование жалобы по партикулярному делу («обиды и разорения») на духовных в светском органе — Малороссийской коллегии, вопреки установленным правилам, в чем получил от духовного правительства отказ⁴⁵.

Измученный бесконечным вмешательством светских судов, Синод несколько раз требовал от Сената циркулярной (во все губернии и провинции) рассылки указов о том, чтобы «гражданские власти» не брали духовных лиц в свое производство без разрешения архиерея или иных духовных управителей. В 1729 году такой запрос Синода был вызван жалобами епископа Воронежского Льва (Юрлова) и содержал требование предварительного одобрения архиерея даже по «важным делам» (то есть в данном случае по тем делам, которые независимо от принадлежности лица к духовному ведомству должны были рассматриваться в светском суде)⁴⁶. В 1742 году из-за сохранявшихся проблем в Сибирской губернии Синод снова потребовал от Сената разослать циркулярный указ с аналогичным содержанием, но уже с исключением в виде дел по тяжким государственным преступлениям, для которых разрешение преосвященного стало необязательным⁴⁷.

Здесь необходимо пояснить разницу в значении терминов «важное государственное (государево) дело» и «важное дело».

Под «важным государственным делом» (которые в нормативных правовых актах часто именовались просто «важными делами») понимались политические преступления, прежде всего преступления «по трем пунктам», прямо обозначенные в указе от 25 января 1715 года: злой умысел на персону монарха или измена (*по первому пункту*); возмущение или бунт (*по второму пункту*); похищение казны (*по третьему пункту*)⁴⁸. С принятием в 1723 году указа «О форме суда» к этому перечню официально прибавились дела по «словам противным на государя», которые и ранее рассматривались как государственные преступления. Окончательно перечень государственных преступлений в XVIII веке оформился в императорском указе от 2 февраля

⁴⁵ ПСПиР. Т. IV (1724–28 января 1725 гг.). № 1454.

⁴⁶ ПСПиР. Т. VI (8 мая 1727–16 января 1730 гг.). № 2240.

⁴⁷ ПСПиР. Т. I (1741–1743). № 120; 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8566.

⁴⁸ 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 2877.

1730 года, сделавшем систему таких преступлений более логичной: по первому пункту стали проходить дела по злому умыслу на монарха или его оскорбление, по второму — бунт или измена. Третий пункт о похищении казенного имущества был исключен из этого перечня⁴⁹.

Другой термин, также употреблявшийся в законодательных и правоприменительных актах как «важное дело» («важная вина»), не имел четкого содержания. Он обозначал серьезное преступление и употреблялся в противоположность «маловажному делу» (мелкому проступку). Определение «важности дела» судом влияло в том числе на меру наказания⁵⁰.

В 1759 году Сенат по очередному ведению Синода издает указ о запрете для светских властей вмешиваться в компетенцию духовного суда и об обязанности гражданских властей оказывать церковному правосудию необходимое содействие⁵¹.

Во второй половине XVIII века эта проблема оставалась острой, и Святейшему Синоду приходилось по-прежнему «отбивать» от местных провинциальных канцелярий лиц церковного ведомства, которые забирались туда без ведома духовных властей. Так было, например, в 1756 году в деле пономаря Василия Ермолаева и учеников Псковских славянолатинских школ Ефима Лебедева и Льва Выбуцкого, взятых под арест местным урядником за участие в драке⁵².

Вмешательство светских органов в компетенцию духовного суда хотя и происходило в основном по линии персональной подсудности, ею, однако, не ограничивалось. В 1722 году Синод вместе с Сенатом направил астраханскому губернатору прямой запрет вмешиваться в духовные дела вообще и в дела брачные в частности⁵³.

В некоторых случаях и сам Святейший Синод, по упущению или просто отчаявшись добиться соблюдения границ подсудности, игнорировал очевидные нарушения светских органов: в 1753 году в Синод попало дело о богохульстве, следствие и назначение наказания по которому было произведено в архангело-

⁴⁹ Анисимов Е. В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 19.

⁵⁰ См., например: ПСПиР. Т. VIII (1733–1734). № 2715.

⁵¹ 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11015.

⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 439. Л. 1–3 об.

⁵³ ПСПиР. Т. I (1721). № 346.

городской провинциальной канцелярии⁵⁴. Несмотря на то что, по силе петровских правил, богохульство относилось к ведомству церковного суда, духовное ведомство даже не пыталось обжаловать действия канцелярии.

Иногда вмешательство светских органов в церковную судебную компетенцию было вполне оправданным. Так, по окончании резонансного дела Андрея Мордвинова только благодаря оклику Сената, в который было передано челобитье сына Андрея на высочайшее имя, Синод озаботился снятием интердикта (церковного запрещения) с дворов, принадлежавших Мордвинову и в течение многих лет живших без возможности совершения церковных таинств⁵⁵.

***

Взаимоотношения Святейшего Синода и подчиненных ему духовных властей с органами политического сыска были в некотором смысле проще, чем с ординарными органами светского правосудия ведомства Правительствующего Сената. В рамках этих отношений не возникало споров о компетенции, и в большинстве случаев Синод и другие духовные органы просто оказывали содействие Преображенскому приказу (упразднен в 1729 г.), Тайной канцелярии (под разными названиями существовала в 1718–1726 и в 1731–1762 гг.) и Тайной экспедиции.

Такое взаимопонимание можно было бы объяснить с традиционных позиций, то есть имея в виду подчинение церковных органов светским⁵⁶. Кроме того, сложно было бы ожидать от кого бы то ни было в России XVIII века серьезных споров со всесильной и жестокой Тайной канцелярией, от застенков которой не спасали ни знатность происхождения, ни архиерейский сан.

С другой стороны, органы политического сыска проводили следствие по «важным государственным делам», то есть по госу-

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 387. Л. 1–4 об.

⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 203. Л. 570б; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 13. Кн. 696. Д. 55; Краткое изложение дела Андрея Мордвинова см.: Барсов Н. И. Отрывки из религиозно-бытовой истории русского общества и народа в XVIII столетии. Отдельный оттиск из журнала «Странник». 1882. № 8. С. 30–33.

⁵⁶ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 137.

дарственным преступлениям: оскорбление государя и его семьи, неслужение молебнов в высокотожественные дни и панихид по умершим членам императорской фамилии, непризнание власти Синода и т. п. Такие преступления, даже с учетом принадлежности обвиняемых к духовному званию, достаточно легко и бесспорно отделялись от компетенции духовного суда.

Кроме того, Тайная канцелярия не «жадничала» с передачей духовному суду дел, потерявших со временем политическое значение и ставших массовыми. Например, в 1734–1735 годах рассмотрение дел по неслужению «царских» молебнов было отдано Синоду с условием отправления результатов в Тайную канцелярию для окончательного решения⁵⁷. По предписанию Синода от 22 октября 1735 года в связи со значительным потоком исследование данного рода дел вернулось к епархиальным архиереям и Дикастерии в Синодальной области⁵⁸, а в 1736 году и Тайная канцелярия переложила свои полномочия по решению данных дел на местную духовную власть. Похожая история произошла с делами по произнесению «государева слова и дела» в пьянстве. В 1728 году епархиальные архиереи получили право самостоятельно назначать телесное наказание за объявление «слова и дела» в пьянстве в случае, если лицо, придя в более или менее вменяемое состояние, ни на кого не могло показать⁵⁹.

Одним из наиболее частых сценариев взаимоотношений с органами политического сыска был такой: в Святейшем Синоде или на уровне консисторий выявлялось наличие в действиях какого-либо духовного лица признаков «важного государственного дела», затем, по лишении сана, бывший духовный — уже в качестве мирянина-расстриги — отправлялся в Тайную канцелярию, которая назначала наказание⁶⁰.

⁵⁷ Розанов Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821 гг.): в 3 ч. Ч. 1. М.: Синод. тип., 1869. С. 80.

⁵⁸ ПСПиР. Т. IX (1735–1737 гг.). № 2929.

⁵⁹ ПСПиР. Т. VI (8 мая 1727–16 января 1730 гг.). № 2210.

⁶⁰ А. С. Павлов полагал, что Тайная канцелярия получила при Анне Иоанновне право наказания лиц духовного звания за «слово и дело» «в противность закону Петра» о рассмотрении преступлений духовных лиц в светском суде только после лишения их сана в Синоде. Его мнение поддерживает и Е. В. Белякова (Павлов А. С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография, 1902. С. 417; Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 93). При Елизавете Петровне Тайная канцелярия по-прежнему перестала допрашивать духовных без лишения сана, специального решения Синода или помощи местного духовного

Так, например, в 1722 году старец Переяславля-Залесского Данилова монастыря Иоаким, обвиняемый в произнесении в пьяном виде «непристойных слов» об императрице, был допрошен в Синоде, а затем, после лишения сана, послан в Тайную канцелярию, которая определила ему наказанием заточение в Пустозерском монастыре⁶¹. Канцелярия могла и не назначать наказание, а, расследовав, оставить его на усмотрение духовного ведомства, которому возвращался обвиняемый⁶².

Второй вариант развития событий инициировался не духовным органом, а самой Тайной канцелярией: получив информацию о государственном преступлении, она требовала от Синода расстричь и выслать к ней на исследование конкретное лицо⁶³, либо самостоятельно забирала его с последующей просьбой о присылке «достойного человека» из духовных для расстрижения уже в самой канцелярии⁶⁴. Это было необходимо, потому что, как пояснялось выше, представитель духовенства не мог даже допрашиваться никем, кроме своего духовного начальства, а тем более проходить как полноценный обвиняемый.

В 1725 году Синод даже высказал возмущение тем, что Тайная канцелярия без уведомления Синода забрала двух его секретарей, за что руководитель уголовной группы генерал-майор А. И. Ушаков (будущий всесильный руководитель Тайной канцелярии) лично принес извинения⁶⁵. Этот случай также иллюстрирует тенденцию к уважению самостоятельной церковной подсудности со стороны органов политического сыска.

Лица, относящиеся к духовному ведомству, могли понадобиться органам политического сыска не только как обвиняемые, но и как свидетели. Хотя лица духовного звания должны были допрашиваться только духовным начальством, в государственных преступлениях Тайная канцелярия старалась максимально

правления. См., например: РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 508. Л. 1–1 об; Оп. 34. Д. 360. Л. 1.

⁶¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). СПб. — Пг. 1868–1915 (далее — ОДДС). Т. II. Ч. 1. № 172. С. 257–258.

⁶² ОДДС. Т. XXVIII. № 210. С. 444–447.

⁶³ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 360. Л. 1–1 об; ОДДС. Т. IV. № 484. С. 505; Т. XI. № 183. С. 241.

⁶⁴ ОДДС. Т. V. № 192. С. 337–338.

⁶⁵ ОДДС. Т. V. № 216. С. 368–369.

сохранять секретность, не осведомляя посторонних (даже архиереев или служащих консистории). Проблема решалась тем, что Святейший Синод по просьбе Тайной канцелярии писал так называемые послушные указы, чтобы представители духовенства «не противились посланным для допроса» и отвечали светским лицам из сыскных органов⁶⁶.

Единственным направлением, оказавшимся смежным в деятельности политических органов и духовного суда, были дела о раскольниках. Согласно петровским резолюциям 1722 года, раскольнические дела относились к компетенции духовного суда, однако в случае, если они имели политическую составляющую (например, были связаны со сказанными «непристойными словами о царской фамилии»), такие дела забирались Тайной канцелярией. В эпоху дворцовых переворотов в Тайную канцелярию также забирались в основном те дела, которые начинались доносом по «слову и делу»⁶⁷.

***

Таким образом, изменение церковной подсудности указами Петра I и его преемников внесло некоторую неразбериху в практику отправления правосудия по делам, находящимся в «пограничной зоне». В первой половине XVIII века духовные суды по привычке вступали в производство по нарушениям, недавно изъятым из их ведомства (блуд, кровосмешение, изнасилование), а светские органы, наоборот, игнорировали подобные преступления против нравственности. Вывод духовных лиц, за исключением случаев совершения ими преступлений по указу от 25 января 1715 года и наиболее тяжких «партикулярных преступлений» (убийства, разбоя, кражи), также привел к путанице в подведомственности и к постоянному неуказному забираюнию духовных в светские суды. Однако общей тенденцией в период дворцовых переворотов было стремление к четкому разграничению светской и церковной судебной компетенции, что было выгодно обеим сторонам споров. Также светские и церковные органы не только со-

⁶⁶ ОДДС. Т. V. № 182. С. 323–324; Т. XI. № 419. С. 634.

⁶⁷ Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII веков: монография / авт.-сост. Р. В. Кауркин, Е. П. Титков, С. Р. Савенкова, А. В. Морохин; науч. ред. Р. В. Кауркин, Е. П. Титков; НГПУ, АГПИ им. А. П. Гайдара. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2022. С. 43–44, 66.

перничали за компетенцию, но и находились в постоянном взаимодействии, причем как на уровне низовых звеньев — в формате помощи по проведению следствия, так и между высшими органами — Синодом и Сенатом, которые помогали друг другу разбираться с подконтрольными органами и проводить границы подсудности в спорных случаях.

Что касается отношений с органами политического сыска, церковь также находилась с ними в постоянном взаимодействии в вопросах правосудия, однако собственно церковного суда это взаимодействие не касалось, сводясь фактически к одностороннему содействию, которое Синод и подчиненные ему духовные власти оказывали Тайной канцелярии в расследовании «важных государственных преступлений». При этом Тайная канцелярия не стремилась вмешиваться в церковную подсудность, которая вполне четко отделялась от компетенции политического сыска.

Исследование взаимоотношений органов церковного и светского правосудия в Российской империи 1720–1760-х годов показывает неоднозначность положения церкви после петровских реформ, с одной стороны, сокративших ее подсудность, а с другой — давших ей возможность на законных основаниях защищать, и весьма успешно, свою судебную компетенцию. Рассмотренный материал в очередной раз подтверждает, что упрощенное восприятие церковной реформы Петра Великого как секуляризационной на современном этапе развития исторической науки должно подвергаться пересмотру.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 1183 — Московская контора Синода, г. Москва

Оп. 1. Ч. 16. Д. 12; Ч. 16. Д. 15; Ч. 16. Д. 27; Ч. 16. Д. 177.

Оп. 13. Кн. 696. Д. 55.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 796 — Канцелярия Синода

Оп. 5. Д. 105; Оп. 6. Д. 108; Оп. 7. Д. 203; Оп. 8. Д. 82; Оп. 16. Д. 51; Оп. 17. Д. 406; Оп. 23. Д. 508; Оп. 24. Д. 335; Оп. 26. Д. 330; Оп. 34. Д. 360; Оп. 34. Д. 387; Оп. 37. Д. 439.

Литература

- Анисимов Е. В.* Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Багрянцева Г. И.* Деловой язык Петровской эпохи // Русская речь. 1986. № 4. С. 87–92.
- Барсов Н. И.* Острывки из религиозно-бытовой истории русского общества и народа в XVIII столетии. Отдельный оттиск из журнала «Странник». 1882. № 8. С. 1–33.
- Безгин В. Б.* «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX — начала XX века. Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. EDN: VMEIUT
- Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. EDN: WGOJTT
- Каменский А. Б.* Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб.: Алетейя, 2022. EDN: LKPMQR
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. Т. II. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.
- Крылов А. О.* Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 3. С. 22–46. EDN: UJTVPH
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: «Древлехранилище», 2000. EDN: YGQXDN
- Оспенников Ю. В.* Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 180–198. DOI: https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_1_180; EDN: UYARHP
- Павлов А. С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография, 1902.
- Павлушков А. Р.* Взаимодействие Синода и его учреждений с Тайной канцелярией в первой половине 20-х годов XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 6. С. 14–23. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V138>; EDN: KHQESG
- Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821): в 3 ч. Ч. 1. М.: Синод. тип., 1869.
- Рункевич С. Г.* Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1900.

- Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII – XVIII веков: монография / авт.-сост. Р. В. Кауркин, Е. П. Титков, С. Р. Савенкова, А. В. Морохин; науч. ред. Р. В. Кауркин, Е. П. Титков; НГПУ, АГПИ им. А. П. Гайдара: 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2022.
- Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009.
- Смилянская Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2016.
- Фриз Г. Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России // «Губительное благочестие»: российская церковь и падение империи: сб. статей / Грегори Фриз; пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 17–44.
- Цапина О. А. Поп и пресвитер: равенство священства, апостольская преемственность и идентичность российского православного духовенства XVIII века // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: сб. статей; под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 89–119.
- Marasinoва, E. (2021) “Geistliche als Ermittler: Die Kirche und das Ermittlungsverfahren in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Russland”, *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas* 69 (3): 395–419. DOI: <https://doi.org/10.25162/jgo-2021-0010>; EDN: VKBFFN